

Вячеслав Михайлов

Россия — Иран: Перспективы военно-технического сотрудничества

В российско-иранских отношениях назрела необходимость пересмотра уровня и качества военно-технического сотрудничества (ВТС). Объем общего товарооборота между двумя государствами по итогам прошлого года достиг исторического минимума — 1.4 млрд долларов. В политической сфере отношения между двумя странами вполне хорошие, но для развития торгово-экономических связей и ВТС стороны достигли такого состояния, что не хватает только импульса. И таким импульсом может стать возможная поездка в этом году Владимира Путина в Тегеран. Для того, чтобы визит стал успешным, прежде нужно снять все существующие препоны и барьеры, создать предпосылки для прорывных решений. В числе существующих проблем в российско-иранских отношениях особое место занимает контракт по поставкам в Иран российских систем С-300, действие которого было самым грубым образом прервано руководством России осенью 2010 года.

Протокол с жуткими последствиями

Россия и Иран имеют огромный потенциал наращивания связей не только по линии ВТС. Стали заметны подвижки в вопросах строительства «Росатомом» новых АЭС в этой стране. Есть также первые наработки для возвращения на иранский нефтегазовый рынок отечественных корпораций. Но с развитием связей по линии ВТС связаны особые надежды: они могут вывести российско-иранские отношения на принципиально новый уровень практически по все направлениям.

Немного истории. Начиная с 1990-х годов Россия и Иран столкнулись с серьезными барьерами на пути развития отношений во военно-технической сфере. По большей части эти препятствия были обусловлены внешними факторами. Еще в бытность СССР между Москвой и Тегераном были подписаны крупные соглашения о военных поставках. В советско-иранской декларации от 5 ноября 1989 года СССР выразил согласие «сотрудничать с иранской стороной в деле укрепления ее обороноспособности».

Последующие годы выразились в значительном по объему и содержанию военно-техническом сотрудничестве Москвы и Тегерана. По соглашению

от 13 ноября 1991 года предусматривались передача лицензии и оказание технического содействия в организации производства в Иране 1 тыс. танков Т-72С и 1,5 тыс. боевых машин пехоты БМП-2, а также боеприпасов к ним на общую сумму \$2,2 млрд. В рамках этого контракта российская сторона, как правопреемница международных договоров СССР, осуществила постройку в иранском Доруде завода по лицензионному производству танков Т-72С, в Тегеране — завода по лицензионному производству БМП-2. В ходе реализации соглашения в 1993 году в Иран с «Уралвагонзавода» было поставлено 100 танков Т-72С, в 1994 году — 20 танков, в 1996-м — еще две машины. Сфера двустороннего ВТС охватила не только наземные виды вооружений и военной техники. В 1994 году Казанский вертолетный завод поставил в Иран 12 машин «Ми-17».

США и их ближневосточные союзники изначально заняли резко отрицательную позицию к продаже Россией оружия в Иран. В мае 1995 года в Москве Борис Ельцин на встрече с президентом США Биллом Клинтон уступил американскому давлению, взяв обязательство досрочно, до конца 1999 года, завершить выполнение перед Ираном всех ранее подписанных военных контрактов. При этом российская сторона решила поставки по этим соглашениям более не производить и обязывалась впредь не заключать никаких новых соглашений военного характера с Тегераном. Официальным двусторонним оформлением этих договоренностей стала вначале секретная, а затем преданная огласке, Памятная записка («Протокол») от 30 июня 1995 года. Под документом стояли подписи председателя правительства РФ Виктора Черномырдина и вице-президента США Альберта Гора.

Это был настоящий удар ниже пояса. Ущерб от этого соглашения составил миллиарды долларов, а в виде упущенной выгоды — десятки миллиардов долларов. Мы сейчас не говорим об ударе по имиджу и репутации страны, по ее статусу надежного и самостоятельного партнера, и игрока в этой сфере и т.д. С приходом в Кремль Владимира Путина российская сторона решила отказаться от предыдущих соглашений с американцами. 3 ноября 2000 года Москва уведомила Вашингтон о своем выходе из «протокола Гор — Черномырдин». Военные эксперты констатируют фактический провал российского оборонного экспорта на иранском направлении и после отмены «протокола Гор — Черномырдин». Общая сумма заключенных с Ираном контрактов на отрезке 2000–2005 годов составила не более \$300–\$400 млн. Причем едва ли не большая их часть приходилась на вертолетную технику двойного назначения. И это все после многомиллиардных контрактов с иранской стороной в начале 1990-х годов?!

Ситуация вокруг С-300: еще одно испытание для отношений России и Ирана

Было бы большим упрощением объяснять сложности в сфере российско-иранского ВТС одними происками американской и израильской дипломатии. Имеется значительный внутренний пласт проблематики в этой сфере, который до сих пор оказывает свое деструктивное влияние. Прежде всего, это продолжающаяся зависимость российского оборонно-промышленного комплекса (ОПК) от разработок продукции военного назначения западных компаний. Отечественный ОПК пока не может обойтись, к примеру, без

так называемой электронной «начинки» вооружений и военной техники по целому ряду оружейной номенклатуры. Но там, где российская «оборонка» достигла успехов в производстве военной продукции по «замкнутому циклу», то есть без привлечения технологий и подрядчиков Запада, американцы и израильтяне норовят вставить «палки в колеса» российско-иранскому ВТС. Наиболее зримо это проявилось в истории вокруг свернутого Москвой в сентябре 2010 года контракта по поставке Ирану пяти дивизионов систем С-300 ПМУ-1. Сумма контракта, заключенного в 2007 году, составляла около \$800 млн. Важно отметить, что производство систем С-300 было налажено российским ОПК на принципах «замкнутого цикла».

После невыполнения своих обязательств перед Ираном образ надежного партнера был сильно подмочен. Перспектива судебных тяжб с Ираном в международном арбитраже, куда иранцы обратились с внушительным иском (требование о выплате неустойки в размере \$4,2 млрд) за сорванный контракт, подчеркивала упадок в отношениях двух естественных партнеров.

Выход из создавшейся ситуации вокруг сделки по С-300 пока до сих пор ясен. Иранская сторона объяснила обращение в судебные инстанции помимо прочего тем, что это может помочь Москве преодолеть последние сомнения вокруг попадания или непопадания систем С-300 под санкционный запрет ООН. В Тегеране мотивировали свою настойчивость в доведении дела до арбитражного разбирательства тем, что решение суда «помогло бы России осуществить эти поставки», и иск подан, чтобы «у России был политический козырь» (заявления посла Ирана в России Махмуда Резы Саджади от 24 августа 2011 года).

Тегеран настаивает на выполнении контракта

Как известно, главной основой решения России о свертывании контракта 2007 года служила резолюция Совета Безопасности ООН, принятая 9 июня 2010 года. На базе этой резолюции 22 сентября 2010 года президентом России был подписан Указ «О мерах по выполнению резолюции Совета Безопасности ООН 1929 от 9 июня 2010 г.». Споры о попадании или нет оборонительных по своей сути систем С-300 под запрет указанной резолюции СБ ООН продолжаются до сих пор. Очевидно, что осенью 2010 года Кремль принял политически мотивированное решение. Опасения США и Израиля, к мнению которых на тот момент российское руководство предпочитало прислушиваться в более приоритетном порядке, чем к позиции Ирана, были связаны с самим фактом поставок С-300 Ирану. А как иначе объяснить, например, то, что спустя считанные месяцы после указа президента России из Москвы в Тегеран было направлено предложение о поставке других систем борьбы с воздушными целями. Москва выразила готовность поставить Ирану дополнительное количество зенитно-ракетных систем (ЗРС) «Тор-М1Э», причем в максимально сжатые сроки. Иран в 2011 году получил последние из 29 батарей данной системы по контракту 2005 года. В числе плюсов этого предложения был тот факт, что иранские военные уже успели пройти курсы обучения и ЗРС «Тор-М1Э» им хорошо знакомы.

Но иранская сторона посчитала данное предложение далеким от удовлетворения своих претензий в связи с неполучением С-300. Системы «Тор-М1Э» и С-300 ПМУ-1 являются оборонительными. Отличие лишь в даль-

ности поражения целей. Тогда возникает резонный вопрос. Почему одна оборонительная система якобы подпадает под запрет резолюции СБ ООН, а другая — вне зоны действия данного запрета? Ответ следует искать во внешнеполитической плоскости. Дело в том, что С-300 стал определенным «брендом», указывающим, что с его обладателем разговор на «повышенных военных тонах» чреват самыми опасными для агрессора последствиями. Российские военные эксперты в связи с этим указывают на сдерживающую репутацию С-300: ни у Слободана Милошевича, ни у Саддама Хусейна, ни у Муаммара Каддафи этих систем не было, потому авиация НАТО внесла решающий вклад в сокрушение их режимов.

В рамках той же политики России на поставку Ирану строго оборонительных вооружений следует рассматривать реализованный осенью 2011 года контракт по средствам радиоэлектронной борьбы (РЭБ) типа «Автобаза». Последние были поставлены иранской стороне без каких-либо сбоев по срокам и содержанию исполнения двустороннего контракта. После отклонения заявки по «Тор-М1Э», с российской стороны в адрес иранцев поступило другое предложение: поставка близких С-300 по своим тактико-техническим характеристикам ЗРС С-300ВМ «Антей-2500». Как можно понять из реакции иранской стороны, данное предложение Москвы было оценено на порядок серьезнее, чем предыдущий вариант урегулирования спора дополнительными ЗРС «Тор-М1Э». Но и это не сняло все претензии Тегерана. Там настаивают на реанимации контракта 2007 года, после чего можно будет говорить о новых перспективах всего комплекса российско-иранских связей в сфере ВТС.

Стороны активизировали контакты

В феврале 2012 года состоялась встреча между курирующим отечественный ОПК вице-премьером России Дмитрием Рогозиным и послом Ирана в Москве Махмудом Резой Саджади. По итогам встречи иранский дипломат заявил о достигнутом сторонами согласии восстановить военно-техническое сотрудничество между Ираном и Россией в рамках международного законодательства.

Осенью 2013 года Россия и Иран предприняли очередную попытку найти взаимоприемлемые решения. В октябре Иран посетил главком ВВС РФ Виктор Бондарев. Повестка переговоров оказалась весьма насыщенной: сотрудничество в обучении военных летчиков, техническом обслуживании боевой техники ВВС, ракетных и радарных систем ПВО советского/российского производства. Стороны также коснулись вопроса восстановления связей по линии ВТС в полном объеме, затронули тему поставок в Иран российских ЗРС дальнего радиуса действия. Результаты проведенных встреч по понятным причинам не могли быть представлены общественности в развернутом виде. Но и то, что попало в поле зрения экспертов, выглядит весьма многообещающим. Один лишь факт обращения сторон к предметному диалогу по восстановлению военно-технических связей, нахождению развязок вокруг контракта по С-300, вселяет оптимизм.

В марте текущего года прошла встреча вице-преьера Дмитрия Рогозина с вновь назначенным послом Ирана в Москве Мехди Санаи. В ходе встречи иранский дипломат, в частности, назвал весьма важными слова президента России о том, что отношения двух стран вошли в новую фазу.

Иран опирается на свои разработки, но и от сотрудничества не отказывается

При всех складывающихся позитивных предпосылках для продвижения российско-иранского ВТС необходимо понимать следующее. Иран уже не тот, каким он был в начале и середине 1990-х годов. То есть в тот период, когда Исламская республика еще связывала большие надежды на тесные военно-технические связи с зарубежными партнерами в качестве основного пути пополнения и модернизации имеющихся оружейных арсеналов. Санкции Запада нанесли более чем чувствительный урон иранской экономике. Но в них есть и остается важнейший позитивный элемент — с ростом санкций в Иране крепло осознание необходимости создания собственной оборонно-промышленной отрасли, с исключительной опорой на свои ресурсы. Развитие иранского ОПК потянуло за собой многие смежные отрасли местной промышленной индустрии. Наряду с принципиальным решением развивать атомную отрасль энергетики создание сильной оборонной промышленности стало для иранцев стимулом показать всю контрпродуктивность санкций Запада. А также создать технологический задел на будущее.

Иран — это не Саудовская Аравия, сделавшая исключительную ставку на покупку самого современного вооружения и военной техники. Иран выбрал качество, а не количество в военно-технической сфере. Лучше добиться самостоятельных успехов в производстве не самой совершенной военной техники, чем скупать самое современное оружие без малейшей попытки наладить собственное производство хотя бы легкого стрелкового оружия.

С начала 2000-х годов иранское руководство поставило задачу повысить научно-технический потенциал страны, направив часть усилий в область военных разработок, развитие оборонной промышленности, создания новых образцов оружия для всех видов вооруженных сил. За последние годы Ирану есть что занести в свой актив. Появились собственные разработки военно-воздушной и военно-морской техники, высокотехнологичных средств ведения боевых действий (беспилотные летательные аппараты, баллистические ракеты). Вместе с тем, по некоторым видам вооружений и военной техники Иран не отказывается от сотрудничества с зарубежными партнерами. Вплоть до закупок той оборонной продукции, самостоятельная наладка производства которой не представляется осуществимой в ближайшей перспективе. К такой продукции можно с уверенностью отнести системы противовоздушной и противоракетной обороны дальнего радиуса действия. В Тегеране готовы использовать передовые технологии тех стран, которые являются признанными лидерами в производстве конкурентоспособной продукции военного назначения.

Будущее — за тесным ВТС между двумя странами

Развивающий свой ОПК Иран должен стать для России партнером, а не безмолвным заказчиком продукции военного назначения. Если, например, Турция, с ее огромной зависимостью от поставок оружия с внешних рынков, претендует на совместное с Россией и другими зарубежными партнерами освоение производства военной продукции, то почему Иран должен быть менее требовательным? Есть версия, что Турция отклонила предло-

женные Россией системы С-300 осенью прошлого года в виду отказа Россией передачи технологий производства этого оружия. На самом деле, с какой стати Россия должна делиться своими технологиями «замкнутого цикла» со страной НАТО?! Если уж России и вступать с кем-либо (вне стран-членов ОДКБ) в тесную военно-техническую кооперацию в плане передачи технологий (не обязательно именно по С-300), то кандидатура Ирана и по геополитическим соображениям, и по логике и справедливости должна рассматриваться в приоритетном порядке.

Россия может оказать Ирану военно-техническое содействие не только в поставке средств борьбы с воздушными целями. По факту Иран становится морской державой на пересечении стратегических торговых путей в Мировом океане. Цели борьбы с международным пиратством, обеспечения безопасности судоходства требуют от Тегерана каждодневных усилий в создании сильного военно-морского флота. Залив называется «Персидским», но там хозяйничают американцы с своим огромным 5-м флотом. Показать каждому его истинное место и умерить пыл особо горячих голов в Белом доме, Конгрессе и Пентагоне иранцы намерены, в том числе, и с помощью своих военно-морских сил

По факту Иран становится морской державой на пересечении стратегических торговых путей в Мировом океане

В этой связи уместно вновь вспомнить первую половину 1990-х годов, когда Россия и Иран развернули интенсивное оружейное сотрудничество. До 1996 года Россия передала иранской стороне три дизель-электрические подводные лодки проекта 877ЭКМ «Кило». Соответствующий контракт предусматривал постройку на российских судостроительных заводах еще четырех подлодок для Ирана. Но снова в дело вмешался печально известный протокол «Гор — Черномырдин». Планы сотрудничества по подводным лодкам носили широкий характер, не ограничивались лишь поставкой субмарин Ирану. Предусматривалось оказание технического содействия иранской стороне в создании и дооборудовании в Бендер-Аббасе шести объектов берегового базирования подлодок с поставкой спецматериала. Общая плановая стоимость контрактов по подлодкам оценивалась в \$1,6 млрд. В результате все ограничилось скромной поставкой трех подлодок класса «Кило».

В начале 2014 года эскадра Исламской республики вышла в военный поход в международные воды. Субмарина Yunes (одна из трех подлодок класса «Кило» на вооружении Ирана) составляла ударную мощь этой группировки, до сих пор заставляющую считаться с ней сверхсовременный 5-й флот США. В Иране налажено производство подлодок Ghadir, но их использование ограничено водами Персидского залива и прилегающими к нему акваториями (это сверхмалые аппараты для проведения разведывательных операций и нанесения скрытных ударов по надводным целям противника). 2300-тонные же подлодки класса «Кило» обладают достаточным радиусом действия для патрулирования всего Индийского океана (от Южной Африки до Австралии). Прорыв в российско-иранском ВТС следует готовить и на военно-морском направлении оружейной кооперации. Уже сейчас можно строить смелые планы усиления Ираном своего флота подлодками с ядерными энергетическими установками. А кто, как ни Россия может оказать в этом помощь соседу.

Развитие связей России и Ирана по линии ВТС выведет весь комплекс двусторонних отношений на новый уровень. Иран не состоит в региональных системах коллективной безопасности, является принципиальным сторонником решения всех проблем исключительно силами региональных государств. Внеблоковый статус Ирана, его настрой на двустороннее развитие отношений с зарубежными партнерами создают благоприятную почву для налаживания тесной оружейной кооперации Москвы и Тегерана. Интересные возможности для двух стран могут появиться, например, в случае создания на иранской территории сертифицированных центров и совместных предприятий по ремонту и техническому обслуживанию вооружений и военной техники советского-российского производства.

Сотрудничество России и Иран в военно-технической сфере за последние 25 лет подверглось серьезным испытаниям. Были периоды, когда весь нарабатанный ранее тяжелыми усилиями потенциал ставился под вопрос. Причем делалось это из-за учета интересов Запада и его союзников на Ближнем Востоке. Причем иногда это доходило до полного абсурда. Ведь, если честно, то до сих пор не поддается вразумительному объяснению, то, каким образом, например, поставка Россией Ирану оборонительных систем С-300 могла нарушить безопасность некоторых ближневосточных режимов?

